

Рахманинова Мария Дмитриевна

ГОРОД КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭТИМОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящей статье рассматривается проблематика городских пространств, их символических и политических сторон; производится анализ генезиса политизации жилого и рабочего пространства, а также последствий этой политизации – как уже существующих, так и вероятных в дальнейшем. Основная задача статьи – рассмотреть, на какие именно аспекты индивидуального и социального бытия данная политизация оказывает влияние, каким образом она трансформирует ткань социальной реальности, какие диспозиции имманентного и трансцендентного она устанавливает в отношении личности и общества. Данный анализ осуществляется с опорой на тексты Мишеля Фуко ("Око власти") и Герберта Маркузе ("Эрос и цивилизация").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 135-139. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

FEATURES OF POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY IN SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

Popov Vitalii Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Taganrog State Pedagogical Institute
vitl_2002@list.ru

The author presents the philosophical interpretation of the specificity of the post-non-classical understanding of rationality, shows that under the conditions of post-non-classical science and the global character of social changes the fundamentally different mental orientations of the person are required within his life, demonstrates that orientation to reasonability remains a dominant direction in the search for the defining principle of rationality, and postulates that any type of rationality includes such characteristics of social being, which are based on social processes, and put emphasis on the construction of social universe schemes.

Key words and phrases: post-non-classical understanding of rationality; global character of social changes; reasonability; characteristics of social being; meta-consciousness; degree of rationality.

УДК 17.022.2

Философские науки

В настоящей статье рассматривается проблематика городских пространств, их символических и политических сторон; производится анализ генезиса политизации жилого и рабочего пространства, а также последствий этой политизации – как уже существующих, так и вероятных в дальнейшем. Основная задача статьи – рассмотреть, на какие именно аспекты индивидуального и социального бытия данная политизация оказывает влияние, каким образом она трансформирует ткань социальной реальности, какие диспозиции имманентного и трансцендентного она устанавливает в отношении личности и общества. Данный анализ осуществляется с опорой на тексты Мишеля Фуко («Око власти») и Герберта Маркузе («Эрос и цивилизация»).

Ключевые слова и фразы: политизация пространства; город; фантазия; власть; прозрачность; контроль.

Рахманинова Мария Дмитриевна, к. филос. н.
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
Nordseeinsel@yandex.ru

ГОРОД КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭТИМОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ[©]

Политические процессы современной России, безусловно, не являются чем-то абсолютно беспрецедентным для её истории. То, что о них говорят и пишут во всём мире, всегда было в той или иной степени характерно для этого государства: консерватизм, авторитаризм, милитаризм, патриархат, централизованность, державность, клерикализм и многое другое. Все эти черты – привычное ядро, существо российской государственности. Однако частности этого вопроса заставляют обратить нас внимание на то, что за последнее десятилетие крайне многое изменилось – методологически и тактически. Эти локальные метаморфозы предопределили, в свою очередь, новые производные от исходного идеологического вектора, укрепив и защитив его завесой неуловимости, что сделало сопротивление ему крайне проблематичным. Одну из таких частных мы рассмотрим в настоящей статье. Речь пойдёт о курсе на принципиальную реорганизацию пространства – в том числе в современной России – и о том, каким образом эта реорганизация может представлять опасность.

Для начала обратимся к исследованиям на эту тему, проведённым в XX веке Мишелем Фуко. В своём тексте «Око власти» он анализирует генезис властных отношений от их исходных форм до современных. Область, исследуемая им в ключе этого вопроса – архитектура и организация внутренних пространств зданий.

Фуко пишет: «Вторую половину XVIII века людей преследовал страх: страх тёмного пространства, возбуждаемый завесой темноты, непонятности, препятствовавшей полной видимости вещей, людей, истин. Было необходимо рассеять остатки тьмы, противостоящие свету, сделать так, чтобы в обществе не было никакого тёмного пространства... Власть, главной движущей силой которой станет общественное мнение, не сможет терпеть ни одной затенённой области. И если замысел Бентама привлек к себе внимание, то это произошло потому, что он давал применимую к большому числу различных областей формулу, так сказать, “власти через прозрачность”, покорения посредством “выведения на свет”» [5, с. 133].

В самом деле, именно с XVIII начинается повсеместное экспериментирование в области организации обитаемого пространства, что впоследствии вызовет к жизни принципиально новые формы социальной политики. Так, например, к XX веку оно приведёт к возникновению феномена концентрационных лагерей – как временных

пространств для многочисленных иммигрантов в США в первое десятилетие XX века, а также как карательных учреждений с жестокими условиями содержания – во множестве стран на протяжении всего столетия. И хотя как военный институт концентрационные лагеря использовались уже несколько веков, формой социального бытия в мирное время они становятся только в XX в. По той же причине появляются коммунальные квартиры и хрущёвские пятиэтажки, существующие и по сей день. И много других вошедших в историю архитектурных феноменов.

Таким образом, начиная с XVIII века, осуществляется поиск новых форм контроля над человеком и обществом. По мысли Фуко, это происходит в связи с резким ростом численности населения, когда для предупреждения преступных действий становится недостаточным метод образцово-показательных казней, а уследить за внутренней жизнью общества становится всё труднее. Апогея результаты этого поиска достигают в XX веке, когда технический прогресс и рост информационных технологий обретают невиданный размах. Самые пессимистические фантазии Замятина, описанные им в культовой антиутопии «Мы», рискуют стать реальностью. В середине XX века «прослушка» и скрытая камера делают паноптикум Бентама повсеместной обыденностью, скрытой при этом от того, за кем наблюдают. И хотя эффект подавления желания преступать – в отличие от паноптикума – они не обеспечивают, зато контроль становится многократно более совершенным.

Впрочем, именно этот эффект паноптикума компенсируется другим достижением организации жизненного и рабочего пространства. Распространение стиля «хай-тек» в офисной архитектуре и архитектуре торговых центров, а также в жилых пространствах и ряде образовательных учреждений в прямом смысле привносит прозрачность в происходящее за стенами зданий. Так же, как в замятинском «Мы», стеклянные стены таких помещений позволяют видеть и отслеживать происходящее в них, а также карать за него. Психология наблюдаемого в этом смысле становится преобладающей в самоощущении человека, помещённого в этот контекст: «Никакой потребности в оружии, в физическом насилии, в материальном принуждении. Просто наблюдающий взгляд. Взгляд, с которым каждый, ощущая, как он тяготеет над ним, придёт в конце концов к тому, что интериоризирует его настолько, что будет наблюдать самого себя, и, таким образом, каждый будет осуществлять подобное наблюдение над самим собой и против самого себя» [Там же, с. 135-136].

Так, преподаватель, читающий лекцию, знает, что за стеклянной стеной его аудитории может в любой момент появиться комиссия с целью оценить происходящее в ней на предмет соответствия стандартам (стандарту допустимой мимики, жестов, дислокации участников учебного процесса, внешнего вида, и проч.); офисный работник непрерывно ощущает контроль за своим поведением на рабочем месте; покупатель в торговом центре доступен взгляду прохожих, блюстителей порядка и маркетинговых исследователей: он наблюдаем, оцениваем и изучаем. Все эти нововведения в основе своей, очевидно, имеют одно: презумпцию подозрительности и императив подчинения. Технология принуждения к подчинению, таким образом, значительно совершенствуется – в стиле бентамовского проекта. Эти процессы в той или иной мере характерны на сегодняшний день для всего мира, в частности – для России.

Однако подобный рост степени прозрачности в сфере социального действия и бытия при ближайшем рассмотрении оказывается не единственным процессом, распространяющим на общество власть. Параллельно ему – с другого конца – происходят процессы аналогичные, а именно уничтожение пространства «тени», то есть как раз то, о чём говорит Мишель Фуко.

В самом деле, за последние 10-15 лет в России искоренение пространств, не предназначенных для интенсивной коммерческой деятельности, стало тенденцией крупных городов. От Москвы в этом смысле и вовсе мало что осталось: столь безудержной оказалась эта тенденция. Парадные, дворы, переулки, пустыри, сады – всё это, наряду с экономической неэффективностью, похоже, было расценено как таящее в себе угрозу неподконтрольных действий и потому в первую очередь было подвергнуто радикальной стерилизации и установлению контроля.

Культ стерильного пространства вместе с тем довольно быстро вошёл в моду через новые эстетические концепты, транслируемые медиа и рекламой. Хороший пиар позволил утаить от потребителей модной стерильности её изнанку, оставив видимой только кажущееся новым, стильным и прогрессивным. Минимализм, прозрачность, пластмасса, металл и стекло – новая формула красоты, выведенная современностью и позиционирующая себя как нечто универсальное. Семимильными шагами гламурный хай-тек прошёл по Москве и переделал её сообразно концепту стерильности, а затем двинулся на Петербург и другие города.

Недальновидные оптимисты полагают, что этот процесс представляет собой лишь частный случай прописной истины «всё течёт – всё меняется». Но, как известно, глобальные процессы редко бывают случайными. И тотальное распространение прозрачных стерильных пространств направлено теперь не просто на дополнение уже существующего – новым и сообразным современности, но также и на замену новым старого – не стерильного, не прозрачного. И именно в этом пункте нам видится основная проблема. Если человек, работающий в новом паноптикуме, попадает в него же и после работы, несложно представить, какие психологические последствия это может возыметь. Впрочем, за примером далеко ходить не надо. Согласно независимым опросам, проведённым активистами градозащиты в Петербурге, существенный процент граждан не просто не против, но и поддерживает ликвидацию «нестерильных», «немодных» и «несовременных» объектов города, выступая за «чистые и безопасные» пространства с уже готовым собственным контентом и функционалом, готовыми к употреблению коммерческого или околкоммерческого типа. В местах же, не готовых к какому-то конкретному типу потребления, эти люди чувствуют себя неуютно и одиноко.

С одной стороны, эта тенденция вполне понятна: безопасность и опрятность – в самом деле, довольно важные качества города. Однако где та демаркационная линия, за которой стремление к этим двум, безусловно, значимым характеристикам города превращается в фанатизм? Так, к примеру, большинство граждан

одобрили превращение исторического ансамбля петровских времён «Новая Голландия», сопровождавшееся сносом двух десятков объектов на его территории, в покрытую газоном площадку для развлечений и торговли. То же произошло и с множеством других ценных с исторической точки зрения и с точки зрения атмосферы и духа города архитектурных объектов. В самом деле, гораздо удобнее употреблять с досуговой целью нечто уже готовое и понятное, чем силиться осмыслить то, что не предлагает никаких конкретных привычных значений и удовольствий и не вписывается в предписываемые посредством медиа нормы быта и досуга. Изменённый под такое восприятие человек, бесспорно, является одним из первых продуктов политической технологии архитектуры и организации пространства.

И здесь мы сталкиваемся с ещё одной фундаментальной проблемой – проблемой, поднятой Гербертом Маркузе в его тексте «Эрос и цивилизация». Анализируя новые формы отчуждения, Маркузе говорит о субъекте, тотально подавляемом обществом с доминантой репрессивного. Противопоставляя фрейдовские принцип удовольствия и принцип реальности, Маркузе подчёркивает авторитарный характер последнего и имманентность ему функции сдерживания и контроля. «В результате происходит подавление психики индивида за счёт репрессий, направленных на принцип удовольствия, что приводит к радикальной когнитивной трансформации индивида: несвободный индивид интроецирует своих господ и их предписания вовнутрь своего психического аппарата. Теперь борьба против свободы воспроизводит себя в душе человека как авторепрессия подавленного индивида, что, в свою очередь, обеспечивает сохранность его господ и их институтов. Такова психическая динамика, которая у Фрейда предстает как динамика цивилизации» [4, с. 20].

При этом характерно, что коннотация слова «удовольствие» в понятии «принцип удовольствия» прямо противоположна коннотации этого же слова в интерпретации его масс-культурой и индустрией развлечений, хотя на первый взгляд речь идёт об одном и том же. Напротив, в масс-культурном смысле под словом «удовольствие» подразумевается, скорее, развлечение в предписанном стиле, по предписанным правилам и за предписанную плату (на чём и построена индустрия развлечений), что уже говорит об интеграции принципа удовольствия в принцип реальности. Маркузе пишет об этом так: «Утверждение принципа реальности приводит к губительному расколу и искажению сознания, что всецело определяет развитие последнего. Некогда единый в “Я” удовольствия психический процесс распался: его основной поток перетекает в сферу принципа реальности и постепенно приводится в согласие с его требованиями. Таким образом, эта часть сознания получает монопольное право истолковывать и изменять действительность. Она не только руководит памятью и забыванием, познаёт действительность, но даже определяет способы её использования и изменения» [Там же, с. 125].

В качестве единственного пути воссоединения принципа удовольствия ради последующего восстановления гармоничного психического, когнитивного и продуктивного состояния личности Маркузе называет воображение, фантазию: «Первоначально воображение осуществляет свои истины тогда, когда оно находит для себя форму, т.е. создаёт универсум восприятия и понимания, субъективный и объективный одновременно. <...> Таким образом, анализ когнитивной функции фантазии ведёт к эстетике как “науке о красоте”. В основе эстетических форм лежит вытесненная гармония чувственности и разума – вечный протест против жизни, организованной логикой господства, критика принципа производительности» [Там же, с. 127].

Однако в контексте современных тенденций, описанных выше, «фантазия, хотя и связана с удовольствием, становится бесполезной, недействительной – просто игрой, мечтой. Она продолжает говорить на языке принципа удовольствия, свободы от подавления, неограничиваемого желания и удовлетворения – но действительность живёт по законам разума и не прислушивается к языку мечты. Однако фантазия (воображение) сохраняет структуру и тенденции, присущие психике, ещё до её организации действительностью и её превращения в “индивида”, противостоящего другим индивидам» [Там же, с. 126].

Так, мы видим, что реабилитация и спасение фантазии выступают в концепции Маркузе в качестве потенциально революционно-освободительного фактора в отношении подавленного коммерческими императивами и не осознающего этого потребителя, ставшего жертвой общества с доминантой рыночной экономики (или, к примеру, тоталитарной идеологии, как у Замятина, где в конце концов и вовсе была изобретена операция по удалению фантазии как вредоносного для системы иррационального начала).

Однако для развития воображения, как известно, требуются определённые условия. «Первоначально воображение осуществляет свои истины тогда, когда оно находит для себя форму...», – пишет Маркузе. Более того, речь идёт не только об условиях, но и о работе в направлении этого развития. Вместе с тем окружающее пространство современных мегаполисов всё реже оставляет нетронутыми пространства, в которых мысли легко было бы натолкнуться на себя самое, оттолкнуться от себя и создать, выдумать что-то своё, – пространства, где не было бы ничего, что можно было бы употребить в готовом виде, и на которых взгляд мог бы остановиться, не провалившись в ряды внешних символических рядов.

Напротив, повсеместное обнажение пространства, о котором говорилось выше, – его стерилизация и заполнение готовыми контентом – такими, как реклама и брендинг, – всё это ведёт к атрофированию воображения и интеграции его в уже существующий контекст визуальных и звуковых образов.

Неудивительно, что эти тенденции находят уже и вовсе буквальное воплощение, о чём пишет, к примеру, Наоми Кляйн в своём культовом тексте «No Logo» [3]: в некоторых штатах США на уроках детям начальной и средней школы предлагается заниматься разработкой новой рекламной концепции *Nike* или *Cola*, так как это якобы творческая работа, стимулирующая воображение, хотя истинная причина, конечно, совершенно иная, и она очевидна. Подобные задания на «развитие воображения» дети получают, разумеется, и в России,

но с несколько более политическим или клерикальным оттенком. Стоит ли говорить о том, какую роль для воображения детей сыграют эти задания в действительности.

Впрочем, и поколение тех, кто таких заданий не застал, находится в серьёзной опасности атрофирования этой – на первый взгляд ненужной – функции сознания. На сегодняшний день даже в транспорте человек не свободен от повсеместного диктата внешнего текста, ему негде побыть наедине с самим собой. Не говоря уже об улицах, также переполненных коммерческим текстом. Освобождаясь от необходимости самостоятельно занимать своё сознание в промежутках между делами, в пути и на отдыхе, со временем индивид и вовсе прекращает практику обращения к воображению. И тем самым когнитивно окончательно интегрируется в комфортабельную систему фастфуд-содержаний, предложенных назойливыми бизнес-состязаниями (правомерность столь широкомасштабной деятельности которых, между прочим, ещё под большим вопросом). А наряду с освобождением от такой необходимости, со временем индивид утрачивает и право на самостоятельное и добровольное наполнение своего сознания собственными содержаниями: приоритетным правом провозглашается теперь право на стерильность и готовые контентны, а не право на свободу от них как очагов контроля над сознанием и жёстких коммерческих императивов.

Так, верхний свет застеленных ковровыми полами помещений со стеклянными стенами, заклеенные рекламой вагоны и вестибюли метро, автобусы, трамваи, вокзалы, стены домов; заставленные билбордами улицы, выкрашенные в больнично-стерильные цвета здания, повсеместный пластик, прозрачные стены, стеклянные бизнес-центры – всё это не представляет собой самобытной реальности – как минимум потому, что само по себе является средством и потому затмевает собой окружающий мир как он есть, *an-sich*, и нарушает связь с ним человека и, как следствие, гражданина. Возможно, всё это не возымело бы столь разрушительных последствий, если бы параллельно с этими процессами умножения прозрачности не происходили процессы изничтожения всех, как выражается Фуко, «тёмных углов». Широкомасштабное искоренение мест-*an-sich*, однако, становится последней каплей в этом длительном и непростом деле реформирования общества и человека. Почва для фантазии искореняется фундаментальной тотальностью стерильности и контроля, а значит, способов вернуться к глубоко имманентному себе всё меньше, и всё больше – поводов интегрироваться в счастливое безмыслие кипящего экономического целого, щедро предлагающего место каждому – за определённую плату, конечно.

У главных героев «1984» Оруэлла было одно прибежище – старинный дом за чертой их антиутопического города. В этом доме царил полумрак, было много книг, много тёмных углов, комнат, предметов с собственной историей – самобытных и целостных. Образ этого дома, пожалуй, как нельзя кстати подходит к словам Маркузе о причинах реабилитации Фрейдом фантазии. Только переживание главными героями своей глубинной причастности к тому миру, из которого происходил этот дом, к его содержанию, только проникновение мыслью в то, что взывает к воображению, смогло пробудить в них фантазию и жажду к свободе, стремление обрести себя – не случайно главный герой начинает вести дневник именно с момента подобного столкновения с собственными глубинами сознания. С этого начался их краткий путь как субъектов истории, увидевших внезапно со стороны всё происходящее в их государстве. Этого, конечно, не могло бы произойти без повода, просто так, среди принудительно автоматизированной монохромности их гиперрационализованного бытия.

Без подобного психологического и гносеологического опыта переживания причастности к истории или обществу, или чему бы то ни было ещё, выходящему за пределы себя самого и ближайшего окружения, – попросту невозможно. Не поэтому ли оно и не возникает в обществе современном? Не отсюда ли берёт исток глобальная проблематика *homo consumens*? Не поэтому ли атомизированность и воинственная разобщённость так сильны в нём? Не является ли препарирование городского пространства в духе радикальной оснащённости, свободной от тёмных или незаполненных нужным текстом пятен, одной из причин глобальных социальных метаморфоз? На эти вопросы ещё предстоит найти ответы.

Подведём итоги. Как политическое пространство город стал интересен философии совсем недавно. Первые шаги в направлении исследования этой темы предпринял Мишель Фуко, изучавший пространство в целом – с точки зрения его политических и социально-воспитательных коннотаций. Исследование Фуко положило начало политическому анализу пространства и задало тон дальнейшим исследованиям городского пространства. Подобный анализ всё больше становится неизбежной частью осознания социально-политической картины современности.

При рассмотрении пространства под углом зрения, предложенным М. Фуко, обнаруживается глубинная связь его внутренних процессов с психическими и духовными процессами личности и общества. Принципиально новым в них становится радикальный уклон в гиперрациональный прагматизм, выражаясь языком экономики, и в тотальность принципа реальности, выражаясь языком психоанализа (подробно это видно у Г. Маркузе). Личность и общество как бы «переформатируются», неосознанно искореняя из числа своих приоритетов воображение и фантазию, что, в свою очередь, способствует легитимной ликвидации тех визуальных форм реальности, которые способствуют развитию этих состояний. Фактически такая круговая порука и есть основная гарантия незыблемости описываемых процессов. Следствием этого становится тотальное изменение самого образа города и составляющих его пространств, что особенно видно на примере сегодняшней России и что представляет собой важнейший предмет для философского и антропологического анализа, необходимого для адекватного понимания современности.

Таким образом, очевидным же становится следующее: реорганизация городских пространств – не вопрос стиля, моды, гигиены или эстетики, она – тактически мощный диффузный политический процесс с далеко идущими планами и высокотехнологичной системой защиты от обнаружения.

Список литературы

1. **Веселова С. Б.** Город – архитектура – философия [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/veselova/city> (дата обращения: 18.01.2013).
2. **Касаткина С. С.** Российский город как социально-философский феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. Ч. 2. С. 75-77.
3. **Кляйн Н.** No Logo: люди против брендов. М.: Добрая книга, 2012. 624 с.
4. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. 526 с.
5. **Фуко М.** Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.

CITY AS POLITICAL SPACE: ETYMOLOGY, PROBLEMS AND PROSPECTS

Rakhmaninova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy
National University of Mineral Resources (Mining University)
Nordseeinsel@yandex.ru

The author considers the problematic of urban spaces and their symbolic and political aspects; analyzes the genesis of living and working spaces politicization and also the consequences of this politicization, both already existing and which are probable in future, studies, which aspects of individual and social being are influenced by such politicization, in which way this politicization transforms the fabric of social reality, which dispositions of immanent and transcendent it sets in relation to personality and society; and conducts this analysis basing on the texts of Michel Foucault ("The Eye of Power") and Herbert Marcuse ("Eros and Civilization").

Key words and phrases: politicization of space; city; fantasy; power; transparency; control.

УДК 325:34

Юридические науки

Статья раскрывает правовой механизм Концепции регулирования миграционных процессов в РФ. Исследуются современные правовые подходы к управлению миграционными процессами на региональном уровне. В статье изучены правовые аспекты современной миграционной политики. Автором конкретизируются понятие российской конституционно-правовой миграционной модели и ее базовых элементов. Основное внимание в работе автор акцентирует на том, что она может быть охарактеризована как единая система федеральных, региональных и муниципальных правовых актов и норм, а также правоприменительной практики и организационных способов.

Ключевые слова и фразы: миграция населения; миграционно-правовая политика; Концепция регулирования миграционных процессов; иммиграционный контроль; конституционно-правовая миграционная модель.

Сазонова Оксана Александровна

*Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет»
Sazonova_O@bsu.edu.ru*

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[©]**

В Российской Федерации приняты два важных закона: «О гражданстве» и «О правовом положении иностранных граждан», множество постановлений и ведомственных актов. Созданы и функционируют Правительственная комиссия по миграционной политике и Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию миграционного законодательства Российской Федерации. Наконец, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации [3].

В отличие от прошлых времен в области миграционной политики есть определенная политическая воля, без чего невозможно принятие ни одного мало-мальски значимого документа. Специалисты знают, что концепция миграционной политики разрабатывалась с 1998 года, многократно согласовывалась и одобрялась.

Концепция Правительства России по регулированию миграционных процессов, утвержденная 1 марта 2003 года, описывает миграционную ситуацию, цели, принципы, задачи, направления и механизмы регулирования миграционных процессов. Структура документа логична, но при его рассмотрении невольно возникают вопросы о противоречии заявленных целей предлагаемым конкретным действиям по их реализации.

Во главу угла регулирования миграционных процессов ставится «обеспечение условий социально-экономического и демографического развития страны» [Там же]. Ни для кого не секрет, что население России сокращается вот уже более 10 лет [5, с. 37], никаких посылов к тому, что этот процесс пойдет вспять в ближайшие полвека, по крайней мере, не просматривается. Россия повсеместно недонаселена: по расчетам